

РОЛЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА В XVIII—XX ВЕКАХ

Ф. Кудрявцев

На весь мир прозвучали знаменательные слова Генералиссимуса И. В. Сталина о ведущей роли русского народа среди народов СССР во время Великой Отечественной войны. Это сплочение народов нашей страны вокруг русского народа, выросшее и окрепшее при советской власти, имеет глубокие исторические корни. Изучение этого процесса — одна из важнейших задач советских историков.

«Наши историки,— пишет Г. Александров,— нередко описывали лишь то, что разделяло народы. Конечно, межнациональная вражда, искусственно насаждаемая царизмом, играла немалую роль. Но история народов России есть история преодоления этой вражды и постепенного их сплочения вокруг русского народа»¹.

Этот процесс можно проследить и в истории бурят-монгольского народа, начиная со времени присоединения его к русскому государству, т. е. со второй половины XVII и первой четверти XVIII века.

Вхождение Бурят-Монголии в состав России имело огромное значение. Оно спасло бурят-монгольский народ от истребления монгольскими, китайскими и ойротскими ханами, способствовало его консолидации и восприимчивости русской культуры.

Среди верхоленских крестьян сохранилось предание о том, как «буряты с самого начала заводили содружество с русскими»². Русские пришли сюда, основали в 1641 г. на правом берегу реки Лены Верхоленский острог и отсюда объясняли бурят. «Сначала без ружья русские не ездили и не ходили в улусы». Затем русские и буряты стали привыкать друг к другу. Торговые и промышленные люди «заводили содружество

с бурятами, ходили к ним в гости, но всё ещё с ружьями и порохом.

Пришли однажды в улус русские угостились у бурятских дружков, нукуров, и вернулись домой, а ружьё с натруска и «путешественную» икону забыли в юрте. Буряты, увидев предметы, оставленные русскими друзьями, испугались и решили поджечь их. «Заггли и с ужасом увидели, как вмиг вспыхнула натруска с порохом, запылала пламенем вся юрта и сгорела». Осталась только одна икона. И это было сочтено за чудо. С тех пор буряты «стали заводить мирное содружество с русскими, без ружья».

В основе этого предания лежала историческая правда. В устном народном творчестве отразился процесс сближения русских и бурят, которые встретились сначала как две враждующие стороны. Затем, по мере развития мирной колонизации Прибайкалья, буряты, часто соприкасаясь с русскими, стали сближаться с ними, наконец, «заводить взаимную дружбу». «Почти каждый бурят,— пишет А. П. Шапов,— стал иметь в близлежащих русских сёлах и деревнях своих дружков, нукуров, а точно так же и русские, со своей стороны, заручились своими дружками, нукурами, по улусам».

Многолетнее соседство русских и бурят оказало плодотворное влияние на различные стороны жизни обоих народов. Русские явились в Сибири проводниками земледельческой культуры и оседлого быта, пионерами просвещения. Они принесли в Прибайкалье новые земледельческие культуры: рожь, пшеницу, ячмень, овёс, гречиху, коноплю, горох, картофель и пр.,—новые виды ремесла и зачатки промышленности. В процессе своего сближения с русскими буряты восприняли от них навыки земледельческого хозяйства, сельскохозяйственный инвентарь, сенокосение, элементы оседлого быта и «домосбзаводство», т. е. постройку более удобных и тёплых, по сравнению с войлочными юртами, домов русского типа. Они стали употреблять предметы домашнего обихода, кото-

¹ Александров Г. «О некоторых задачах общественных наук в современных условиях». Журнал «Большевик» № 14 за 1945 год, стр. 17.

² Шапов А. Собрание сочинений. Дополнительный том, стр. 255. Иркутск. 1937.

рых у них раньше не было. Характерно, что названия этих предметов заимствовались из русского языка с некоторыми особенностями произношения или без существенных изменений. Интересные данные по этому вопросу приводит Т. А. Бертагаев. Он обращает внимание на «закономерное размещение заимствованных слов по характерным разделам социально-экономической жизни, которые мы знаем в бурятском языке. В бурятском языке мы наблюдаем очень редкое заимствование названий по скотоводческому хозяйству, но многочисленное по сельскохозяйственной культуре»³.

Примером могут служить названия продуктов сельскохозяйственного производства: хилээме — хлеб, коврок — коврига, каласа — калач, лепешко — лепёшка, шенинсэ, шеницэ — пшеница, пречихэ, гэршуухэ — гречиха, ешмээн, яшмеэн — ячмень, картобоко — картофель, гурсэ — огурец.

Почти без изменения в бурятском разговорном языке сохраняются такие названия, как пироо, овёс, колос, солома, каша⁴. Любопытно, что в то время как в словах, заимствованных бурятами из русского языка, преобладают названия предметов сельскохозяйственного хозяйства, в бурятских словах, воспринятых местным русским населением, — названия предметов скотоводства. В языке, таким образом, отражается процесс взаимного влияния народов в области хозяйства.

«Очень любопытную картину, — пишет Т. А. Бертагаев, — представляют названия конской упряжи, где мы встречаем два явно раздельно существующие по хозяйственным признакам заимствованные названия: упряжи верховой езды, с одной стороны, и тягловой упряжи — с другой. Упряжь верховой езды как в западном, так и в восточном наречии почти совершенно не имеет заимствованных названий, а между тем названия тягловой упряжи в своём большинстве заимствованы из русского языка или через него»⁵. Приведём пример: боожо — вожжи; гуужэ — гужи; дугаа — дуга; хомоуд — хомут; шелья — шлея.

Данные языка вполне подтверждают сообщения бурятских летописцев, что бурятско-кочевники до прихода русских ездили на лошадях верхом, а не запрягали их, а затем заимствовали конскую тягловую упряжь у русского населения. Летописец Вандан Юмсунов пишет:

«Когда они там и сям кочевали, они не только не знали телег, саней и конской упряжи, но не слышали даже их названий. В это время они навьючивали свои юрты только на коней и быков и, не имея деревянных ящиков и сундуков, хранили свои шубы и одежды в хранилищах, называвшихся «уга», подобных глумим тулунам, в сшитых из конских, скотских или звериных кож, а также

в подобных продолговатых чемоданах, называвшихся «бокко» и сшитых из войлока, каковые они выючили. Так они кочевали»⁶.

У бурят была телега — тэргэ, — более примитивная, чем телега позднейшего времени, но они запрягали в неё не лошадей, а быков. Юмсунов сообщает, что хоринские буряты стали запрягать лошадей в телеги и сани в подражание русским. Конечно, начальные даты подобных заимствований установить очень трудно, но, видимо, они начались с XVIII в., по мере того как усиливались взаимные связи бурят с русскими.

Интересны языковые данные в отношении домашней утвари, где «названия деревянной посуды имеют больше бурятских слов, чем названия стеклянно-фарфоровой и жестяной посуды»⁷. Два последних вида посуды были заимствованы главным образом от русских. Об этом свидетельствуют названия: таахан, остахан — стакан; тареолю — тарелка; мискэ — миска; тааз — таза и пр.

Русское влияние отразилось на общественной и домашней жизни бурятского населения. Это влияние заметно проявлялось ещё в XVIII веке. Уже тогда буряты начали заимствовать у русских навыки сельскохозяйственного хозяйства. Из неустойчивого подсобного занятия отдельных групп бурятского населения земледелие, начиная с XVIII в., становится вторым после скотоводства основным занятием многих бурятских крестьян. Земледелием занимаются, — писал акад. Георги (1729—1802), — некоторые буряты около Иркутска и по Ангаре, вниз по течению. Приблизительно, третий и четвёртый хозяин засеивает несколько пудов ржи, яровой пшеницы и озса. Немногие обрабатывают до 5 десятин земли. Георги приводит бурятские названия сохи, косы-горбуши, серпов, граблей. В другом месте он говорит: «Многие из добайкальских бурят по причине разных препятствий в скотоводстве от суровости климата и местоположения союкнули с земледелием»⁸. Так под влиянием русских начало складываться у западных бурят скотоводческо-земледельческое хозяйство.

Развитие земледелия среди бурят определялось влиянием окружающих русских крестьян, необходимостью получения дополнительных ресурсов к экстенсивному, неустойчивому скотоводческому хозяйству, усилением спроса на хлеб на восточносибирском рынке⁹.

Влияние русских проявлялось и среди забайкальских бурят. В правительственном аттестате, выданном в 1782 г. главному хоринскому тайше Дамба Дугар Ириндсеву, имеется характерное указание на то, что он старался «подчинённых своих вводить в обряды, в сходство российским народам, во

³ Бертагаев Т. «О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке». «Записки Института культуры». Вып. 1-й, стр. 21. 1935.

⁴ Абаашаев Д. и Черемисов К. «Русско-бурято-монгольский словарь». Улан-Удэ. 1941.

⁵ Бертагаев Т. Указ. соч., стр. 22

⁶ «Летопись хоринских бурят», стр. 80. Изд. Академии наук СССР. М.-Л. 1940.

⁷ Бертагаев Т. Указ. соч., стр. 23.

⁸ Георги И. «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». Ч. 4-я, стр. 28. СПб. 1799.

⁹ Кудрявцев Ф. «История бурят-монгольского народа». Гл. 2-я. Изд. Академии наук СССР. М.-Л. 1940.

всей домашней экономики, в постройке домов, во упражнении и хлебопашестве»¹⁰. В данном отношении стараниям тайши приписывалось то, что подчинённое ему бурятское население воспринимало непосредственно от своих соседей—русских: хлебопашество, постройку домов, «домашнюю экономию», т. е. заимствование предметов домашнего и хозяйственного обихода.

Хоринский летописец Вандан Юмсунов указывает, что в XVIII—XIX вв. буряты, «наставляемые русскими», начали сеять ярицу, рожь, пшеницу, овёс, ячмень. «Таким образом, научившись сеять разных родов хлеб, хоринский народ понял, что это весьма полезно»¹¹. У русских буряты обучались способам сенокосения. Юмсунов по этому поводу пишет: «Около 1780 года возникла одна единственная торговля так называемыми литовками—нынешними косами, появившимися из России. Некоторые купили их, и пока они бились над тем, чтобы научиться ими косить сено, в 1804 году переселились сюда кавказские крестьяне. Тогда, увидев, как они, явившиеся с такими косами, косили сено, они после этого научились владеть своими косами и поняли, что они очень удобны для косьбы. Они лучше прежнего стали знать способы сенокосения»¹².

У русских буряты заимствовали огнестрельное оружие, применяя его на охоте. «Около 1760 года появились из России в продаже небольшое количество винтовок и порох и свинец, которое они (хоринцы.—Ф. К.) стали покупать,— пишет Вандан Юмсунов.— Некоторые говорят, что они привыкли к ним и научились, начиная отселе, способам добывания охотой лесных и степных зверей»¹³.

С XVIII в. у бурят появляются рядом с войлочными и деревянными юртами (деревянные юрты преобладали у западных бурят ещё в XVIII в.) постройки русского типа—избы, зимовья, амбары, вагоны для скота и скотные дворы с навесами. Буряты заимствуют у русских устройство печей, при этом название печи незначительно видоизменяется соответственно особенностям произношения бурят—пезшен. В бурятском языке сохраняется также русское название кухонной плиты. У хоринцев, по свидетельству Юмсунова, первые зимовья «в подражание тамошним русским» были построены около 1790 года. Затем, начиная примерно с 1820 года, «стали строить русские дома и зимовья в большом количестве, они оказались пригодными для того, чтобы в зимнее, холодное время оставаться самим в удобстве и тепле и защищать от холода новорожденных и младенцев»¹⁴.

У западных бурят вырабатываются два типа жилищ—летники, представляющие со-

бой восьмигранные и шестигранные деревянные юрты, и зимники—постройки русского типа, которые почти ничем не отличаются от жилищ русских крестьян. В одном из миссионерских обзоров, описывающих быт бурятского населения Балаганского уезда, Иркутской губернии, в конце 90-х годов прошлого столетия, читаем: «Жилища бурят всё ещё разделяются на летники и зимники, зимние жилища бурят имеют чисто русский тип, по большей части, городской, шеголеватый, можно бы улусы их принять за чисто русские сёла, если бы дома у них были расположены правильно, в виде улиц, а не врозь, где поало; летники остаются прежними восьмигранными юртами, без печей, с очагом посредине и дымовой трубой вверх»¹⁵.

У забайкальских бурят были три вида жилищ: войлочная юрта, деревянные четырёхугольные юрты и избы русского крестьянского типа. Первые были непосредственно приспособлены к кочевому быту; распространение деревянных юрт с конца XVIII в. свидетельствует об ограничении кочевого хозяйства; появление третьего вида построек является показателем роста элементов оседлости. Этот рост совершался под влиянием развития земледелия, сенокосения, усиления связи бурятского хозяйства с рынками сбыта, наконец, здесь сказывался пример русских крестьян.

С разложением натурального хозяйства, ростом меновых отношений буряты всё больше и больше приобретают предметов хозяйственного и домашнего обихода, изготовленных русскими рабочими и ремесленниками.

Однако русское влияние не было равномерным: оно сильнее сказывалось в тех местностях, где буряты ближе соприкасались с русскими, и слабее там, где это соприкосновение было сравнительно менее близким.

В нашем распоряжении имеется краткий обзор хозяйства и быта бурятского населения нескольких волостей Балаганского уезда, Иркутской губернии, примыкающих к Московскому тракту и Сибирской железной дороге (обзор составлен в 1908 году). Здесь соприкосновение бурят с русскими проявлялось больше, чем в южной части Иркутской губернии, прилегающей к русско-монгольской границе (Тункинское ведомство). Соответственно этому русское влияние среди балаганских бурят заметнее, чем среди тункинцев. Это обстоятельство и подчёркивается в обзоре. Характеризуя быт бурятского населения Бардинской волости и Сайгутского отдельного рода, обзор отмечает: «Остаётся сказать несколько слов о быте бурят, отличающемся от крестьянского. Последние живут в северной части и образуют административные единицы: Бардинскую волость, без сельских обществ, и Сайгутский отдельный род. Всё население Бардинской волости с 1899 года перешло в крестьяне. Как среди бардинских крестьян, так и сайгут-

¹⁰ Бурят-Монгольский Государственный институт языка, литературы и истории. Фонд хоринских тайшей, дело № 1.

¹¹ «Летопись хоринских бурят», стр. 81—82.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 81.

¹⁴ Там же, стр. 84.

¹⁵ «Иркутские епархиальные ведомости» № 8 за 1893 г., стр. 5.

ских бурят, незначительная часть жителей ведёт образ жизни оседлый — крестьянский, большая же часть — кочевой. Жизнь кочевых сосредоточена большую часть года в зимниках, отсюда они выезжают в расположенные недалеке летники на время роста (в зимнике) травы и уборки сена. Жизнь кочевых здесь отличается во многом от быта поселенников — тункинских бурят — как в смысле жилища, так и в языке, одежде и говорит о значительном русском влиянии. Например здесь улусы не разбросаны и походы на деревню, дома крестьянские, с такой же мебелью, тогда как в Тунке гость приглашается сесть на пол или на низенькую лавочку, покрытую ковриком, нет здесь национального халата и головного убора»¹⁶.

В Тункинском ведомстве русское влияние сказывалось заметнее всего в тех местах, где бурятские улусы чаще перемежались с селениями русских крестьян и казаков. Такое же явление происходило и в Забайкальской области.

Буряты не ограничивались восприятием орудий и приёмов сельского хозяйства и ремесла у русского населения. Они приспособили их к условиям своей хозяйственной жизни и старались по мере возможности усовершенствовать их. Например, воспринимая от русских хлебопашество, буряты усовершенствовали его, применив искусственное орошение полей. «Они (буряты.—Ф. К.) выучились у русских пахать землю, зато, в свою очередь, русские переняли у них искусство орошения, и везде, где есть возможность перенять горную реку или ручей, у нас, за Байкалом, поля покосные и пашни поливаются», — писал декабрист М. Н. Бестужев¹⁷. Он же сообщает об устройстве бурятами более удобной рукоятки для косы и усовершенствовании топора искусным бурятским кузнецом, которому топор заменяет и пилу, и струг, и клещи, и молоток, и даже ватерпас. Русские способствовали развитию сенокосения среди бурят и, в свою очередь, восприняли от них пользование удобренными и орошаемыми полями — утугами. Буряты получили от русских огнестрельное оружие и вместе с тем познакомили их с приёмами охоты в местных условиях, привычками зверей, местами их обитания.

Бурятские ремесленники не ограничивались подражанием готовым образцам, воспринятым от русских, но усовершенствовали эти образцы и проявляли собственную инициативу.

Миссионер К. Чистохин, хорошо знавший быт тункинских бурят, писал: «Буряты очень способный и любознательный народ: они хорошие столяры, плотники, красильщики, серебряники, чеканщики и даже часовых дел мастера. Например в Тунке есть бурят, который сам сделал деревянные часы. С занятием хлебопашеством эти ремёсла начинают делаться занятием второстепенным. Но в

пограничных караулах Тункинского края чеканное ремесло год от года улучшается...»¹⁸.

Сближение бурят и русских нередко было настолько тесным, что дети русских и бурят одинаково говорили на том и другом языках. У сибирского поэта В. М. Михеева есть выразительное стихотворение «На ургонах», в котором рассказывается о совместном «походе» русских (и бурятских) детей за коряными сараны («царские кудри», «красная лилия»), о том, как завязывалась дружба между этими детьми. Михеев пишет, что стихотворение «На ургонах» вызвано рассказом одного сибиряка о подобных, особенно распространённых за Байкалом походах детей. Корень сараны — одно из любимых лакомств детей¹⁹. В степи между Иркутском и Качугом автор наблюдал и случаи предпочтения русскими бурятского языка.

В стихотворении «На ургонах» читаем:

«Осени утро холодом веет,
Ясное солнце сулит тепло,
Нива снопами ярко желтеет,
Луг весь в зародах, сморит светлеет.
С шумом весёлым, с криком и гамом
Сыплются в степи шайки ребят:
Скачут по кочкам, скачут по ямам,
Зубы на солнце в смехе блестят.
Рядом с бурята чёрной щетиной
Русые кудри вьются в кольцо,
Степи монгольской смуглого сына
Огнём жёлтым блестят лицо.
Русские лица нежно румянит
Раннего утра лёгкий мороз, —
Светлые глазки то затуманит,
То вдруг прояснит смехом до слёз.
Глазки монголов бойки и косы,
Словно лукавы в той косине.
Рея на солнце, оводы, осы
Крыльями блестят, словно в огне,
И переливы речи гортанной
Льются жужжанью оводов в лад.
Русские дети бойко и странно
Вторят картавой речи бурят,
И, как родную, речью той с жаром
Между собою ведут разговор»²⁰.

Дружба между бурятами и русскими, возникавшая нередко ещё в детские годы, продолжалась и в дальнейшем. Поводов для установления таких дружеских отношений было достаточно. В трудные годы неурожая, эпизоотий, массовых падежей скота эта дружба проявлялась во взаимной помощи бурят и русских. Об этом и писали уполномоченные бурятского населения Забайкальской области в одной из своих докладных записок: «Буряты, казаки и крестьяне всегда помогали друг другу: в неурожайные годы казаки и крестьяне берут скот у бурят, бурятские лошади и быки десятками лет находятся в распоряжении у казаков и кре-

¹⁶ Чистохин И. «Обычаи тункинских бурят-дамаитов при рождении детей, свадьбах и похоронах». «Иркутские епархиальные ведомости» № 19 за 1889 г., стр. 625—626.

¹⁹ См. Михеев В. «Песни о Сибири», стр. 190. М. 1884. Ходить на ургона, ургоначить — разорять норы полевых мышей, которые натаскивают туда корни сараны.

²⁰ Михеев В. «Песни о Сибири», стр. 41—42.

¹⁶ Государственный архив Иркутской области, ф. 25, оп. 10, д. № 229.

¹⁷ Сборник «Декабристы в Бурятнии», стр. 13. Верхнеудинск. 1927.

хозяин. Эти последние оплачивают бурятам продуктами сельского хозяйства, преимущественно хлебом, а во время падежей скота у бурят охотно снабжают хлебом и продуктами огородничества»²¹.

Существовали и другие формы взаимного действия русских и бурят: совместные артели охотников, рыбаков, возчиков, перевозивших часто на дальние расстояния частные и казённые грузы. Устраивались так называемые «помочи», имевшие довольно широкое распространение в сибирских деревнях и улусах. Если крестьянин не имел возможности своими силами убрать урожай, вывезти из леса брёвна для постройки дома или выполнить другую работу, он устраивал «помочь»: приглашал других крестьян. Откликаясь на просьбу хозяина, они работали у него день—другой бесплатно. После работы начиналась пирушка, которая и была формой вознаграждения за работу. Кроме того хозяин часто сам участвовал в «помочи» у своих прежних помощников — «помощан».

На распространение совместных звероловных артелей и «помочи» обратил внимание в своё время А. П. Шапов, изучавший быт бурятских и русских крестьян Верхотенского уезда, Иркутской губернии, в 70-х годах XIX века. Шапов пишет: «Нередко были случаи, что русские вместе с бурятами составляли звероловные товарищества или артели, так же как ясачные присоединялись к зверопромышленным товариществам русских крестьян. В настоящее время сплошь и рядом русские съезжаются на «помочь» бурятам, а буряты к русским... В Хоготовский (Тотский) улус по р. Унгуре при мне на «помочь» к одному буряту съехались русские крестьяне из дальних деревень, вёрст за 30 и более»²².

На почве семейно-бытового сближения русских с бурятами возникали смешанные группы населения, получившие название «ясачных». Это смешение можно было наблюдать ещё в конце XVII века. В 1683 г. тобольский и сибирский митрополит Павел писал игумену Троицкого Селенгинского монастыря, что, по дошедшим до митрополита сведениям, многие даурские жители живут с «некрещёнными иноземками» (бурятками). Монастырские крестьяне женились на крещёных бурятских женщинах. Из крестьян Селенгинского монастыря образовались деревни Темной, Буй, Куналей, Елань, Клишиная, Кокуй, Кудара-Благовещенье, село Троицкое и др.

Академик Паллас, побывавший в Прибайкалье в 70-х годах XVIII в., писал, что «большая часть городских и сельских жителей в Селенгинской области и в Даурии обнаруживает сильное смешение с монгольской кровью. Из обоюдных или взаимных браков бурят с русскими происходит род мулатов». По свидетельству Палласа, «вследствие

этого смешения русские усвоили и бурятский язык, так что последний сделался почти господствующим языком простого народа». «Ясачные» почти одинаково владели русским и бурятским языками и воспринимали хозяйственные и социально-бытовые черты обоих народов.

Семейно-бытовое сближение русских с бурятами продолжалось в XIX—XX веках. Об этом писали Поляков, Кропоткин, Шапов, Ровинский и другие исследователи. В 1863 г. в одном письме из Тункинского края сообщалось:

«Все жители Тункинского ведомства радушны и гостеприимны; русские казаки и крестьяне очень сблизились и даже сроднились с инородцами, отдают дочерей своих за «ясачных», равным образом и у них берут, и говорят все вообще по-монгольски»²³.

В Иркутской губернии «ясачные» составляли большую часть населения одной из волостей — Ашахабатской. «Большая часть населения—«ясачные», прежние буряты, народ смиренный, трудолюбивый», сообщалось в обзоре Ашахабатской волости²⁴.

Ашахабатцы занимались главным образом земледелием, сеяли озимую и яровую рожь, яровую пшеницу, овёс, ячмень, гречиху, садили капусту, картофель и другие овощи и занимались скотоводством. Кроме Ашахабатской волости селения «ясачных» встречались и в других районах Иркутской губернии (Верхотенский, Иркутский, Балаганский уезды). По переписи 1917 г., «ясачные буряты» составляли 1628 хозяйств и «ясачные тунгусы» — 16 хозяйств. Как установили статистико-экономические исследования, «ясачные» представляют совершенно обособленную в хозяйственном отношении группу населения Иркутского края, представляющую любопытный образец одной из ступеней переходной стадии от скотоводческого хозяйства бурят к земледельческому хозяйству русских. Группа эта очень жизнеспособна и устойчива в хозяйственном отношении, несмотря на менее благоприятное в смысле земельного обеспечения положение»²⁵. Данные статистико-экономических и антропологических исследований последнего времени окончательно опровергают измышления о том, что будто смешанные браки между русскими и бурятами ведут к «деградации», «вырождению». Исследования свидетельствуют о жизнеспособности смешанных групп населения.

Селения и отдельные хозяйства «ясачных» встречаются в разных местах Забайкалья. «Ясачные» селились или отдельно или приселялись к русским деревням. Поселения «ясачных» образовались по тракту от Верхнеудинска (теперь Улан-Удэ) к Чите: в селе Аниинском, при Онинской, Кульской, Тарбагатайской почтовых станциях, при селении Онинборском и Грядской станции.

²³ «Иркутские епархиальные ведомости» № 32 за 1863 г., стр. 500.

²⁴ Государственный архив Иркутской области, ф. 25, оп. 10, д. № 299.

²⁵ Миротгорцев К. «Иркутские «ясачные» в освещении статистических цифр». Иркутск, 1932.

²¹ Библиотека Бурят-Монгольского Государственного института языка, литературы и истории. Копия документов по истории Бурят-Монголии в XIX и начале XX века.

²² Шапов А. Дополнительный том, стр.

С 1815 г. возникают поселения «ясачных» на реке Курбе. В 70—80-х годах XIX в. «ясачным» были отведены земельные участки в дачах Хасуртаевского и Уныгетейского селений, при Тынгирободкоцкой почтовой станции, в урочище Мокрый калтус, при Онохойской станции в однодворке Холотухинском (в 32 верстах от Верхнеудинска). «Ясачные» проживали в селениях Удырском, Домно-Бравнинском, Вершино-Удинском, Сосново-Озерском, Погромнинском и Поперчинском и в других местах.

В 1929 году, в связи с проведением статистико-экономического обследования в Хоринском аймаке, Бурят-Монгольской АССР, пришлось встретиться со следующими фактами, характерными для упомянутого процесса смешения русского и бурятского населения: хоринские «ясачные», называвшиеся до революции также «оседлыми инородцами», нередко затруднялись определить свою национальную принадлежность. В результате статистики-регистраторы в графе «Национальность» делали с их слов следующие записи: «кинородец», «ясачный», «бурят-ясачный», «бурят», «русский».

Взаимное влияние русских и бурят сказывалось в области языка и устного народного творчества. По сообщению Г. М. Осокина, «народный эпос русского населения Забайкалья во многом включает в себе массу чужого, заимствованного от бурят и монголов. Многие из прежнего забыто, многое пополнилось новым из мифологии бурят и монголов и их исторического прошлого. Местный крестьянин, знакомый с бурятской речью, не отказывает себе в удовольствии послушать и бурятские сказки, которых у последних довольно»²⁶.

Можно привести пример известного сказочника Е. И. Сорокикова (Магая), который в одинаковой степени владеет искусством русской и бурятской сказки²⁷.

Русское влияние отражается в бурятских улигерах (былинах) и других произведениях народного творчества. Герои былин в одежде из звериных шкур, вооружённые луками и стрелами, живут то в богатых юртах, то в роскошных хоромах с многочисленными комнатами и печами, раздвижными столами, самоварами, открывают базары и лавки, строят обороты с колоколами, проводят думско-якутские тракты и пр.²⁸.

В отчёте по управлению Восточной Сибири за 1857 г. отмечалось, что большая часть бурят хорошо знает русский язык и многие из них овладевают русской грамотой: большая часть инородцев хорошо знает русский язык и свободно объясняется на нём, много находится между ними знающих русскую грамоту. При степных думах и их инородных управах существуют уже 9 приходских училищ, содержимых на счёт общественного

²⁶ Осокин Г. «На границе Монголии», стр. 89. СПб. 1906.

²⁷ «Сказки Магая» (Е. И. Сорокиков). Записи Л. Э. Элиасова и М. К. Азадовского. Л. 1940.

²⁸ Забавнов М. «Бытовые черты в эпических произведениях «хирит-булагатов». Верхнеудинск, 1929.

сбора. Всё это показывает, что и образование у кочевых инородцев идёт тем же путём, как и у прочих здесь жителей, и что, следовательно, в этом отношении должно принимать те же самые меры, как и для крестьян, и проводить нераздельно от последних»²⁹.

В приведённом документе имеются некоторые преувеличения, но, по существу, он констатирует несомненный факт хозяйственного и культурного влияния русского населения на бурят и другие народы Восточной Сибири.

С первой четверти XIX в. в бурятских ведомствах открываются начальные школы, получившие названия «кинородческих училищ». В 1804 г. возникло Балаганское училище, в 1806 г. — Онинское, в 1816 г. — Итинское и Тункинское, в 1818 г. — Селенгинское, в 1833 г. была учреждена Кяхтинская войсковая русско-монгольская школа, в которой обучались дети русских и бурятских казаков. Во второй половине XIX и начале XX в. количество школ заметно увеличивается. Буряты обучались кроме того в русских начальных и средних школах. Несмотря на неблагоприятные условия для культурного развития бурятского народа при царизме, бурят-монгольский народ всячески стремился овладеть русской культурой.

Воспринимая русский алфавит, буряты использовали его для переписки на своём языке. В 1866 г. составил русско-бурятского букваря Н. С. Болдонов писал: «Потеряв монгольскую грамотность за исключением немногих тункинских и аларских бурят, и то из числа одних лам, северобайкальские буряты сами пришли к мысли об употреблении русских букв для изображения бурятских понятий. За последнее время не редкость встретить между этими бурятами людей, научившихся русской грамоте и потом при помощи её переписывавшихся между собой на своём языке русскими буквами и читающих и понимающих переведённые на бурятский язык издания, написанные по-русски»³⁰ (русским алфавитом. — Ф. К.).

Представители бурятской интеллигенции переводили произведения русских учёных и писателей на бурятский язык. Н. Болдонов перевёл научно-популярную брошюру «Мироздание», Ц. Онгодов — известную хрестоматию Ушинского «Живое слово», Р. Номтуев составил на основании сочинений русских учёных руководство по сельскому хозяйству, Бато Далай Очиров перевёл на бурятский язык басни И. А. Крылова, несколько произведений Л. Н. Толстого, уставы кредитного и потребительского кооперативов.

Учителя бурятских школ знакомили своих питомцев с лучшими образцами русской художественной литературы. Например в 1887 г. в пансионе при Ользоновском училище учитель читал своим воспитанникам

²⁹ Государственный архив Иркутской области. Фонд Главного управления Восточной Сибири, картон 1738, д. № 429/111, л. 64—65.

³⁰ Болдонов Н. «Русско-бурятский словарь», стр. 2. СПб. 1866.

рассказы Л. Н. Толстого. В 1899 г. в бурятских училищах, как и во всей России, отмечалось столетие со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина. «В памятный для России день 26 мая в нашем уголке прозвучало имя великого поэта», — писал корреспондент иркутской газеты «Восточное обозрение» из улуса Бохан. После рассказа учителя о жизни и трудах А. С. Пушкина началось музыкально-вокальное отделение, прошедшее «мило и дружно». «На страде появлялись то учащие, или жёны, то скромные фигуры учащихся — мальчиков и девочек, большинство которых буряты; из уст каждого неизменно звучали слова незабвенного поэта. Маленькая и взрослая публика дружно аплодировала исполнителям, как чтецам, так и хору, щедро разнообразившему программу то весёлыми, то протяжными напевами пушкинских стихотворений»³¹. Праздник окончился «туманными картинами», и учащиеся, радостно взволнованные, разошлись по улусам с книжками А. С. Пушкина в руках.

Проводниками просвещения среди бурят-монгольского народа были политические ссыльные, начиная с декабристов и кончая большевиками, народные учителя, представители русской и бурятской интеллигенции.

Среди забайкальских бурят известна просветительная деятельность декабристов Николая и Михаила Бестужевых, Вильгельма и Михаила Кюхельбекеров, Константина Торсона³². Декабристы обучали бурят грамоте, ремёслам, оказывали им врачебную помощь, изучали хозяйство и быт бурятского населения. В дневниках, мемуарах, письмах и статьях декабристов мы находим разнообразные сведения о бурятах.

В конце XIX и начале XX в. политические ссыльные создавали в бурятских улусах так называемые «вольные школы». В 1911—1916 гг. в Верхнеудинском бурятском ведомстве, Верхоленского уезда, Иркутской губернии, существовало несколько «вольных школ», в которых занимались политические ссыльные большевики. Эти «вольные школы» возникли следующим образом: собирались несколько семейств, желающих обучать своих детей, договаривались между собой об условиях обучения и приглашали в качестве учителя грамотного человека, обыкновенно политического ссыльного. Группы состояли из 5—6 человек. Учитель и ученики ходили из одного дома в другой, неделю занимались у одного родителя, неделю — у другого. Иногда нанималось особое помещение для всей группы учащихся. В основу преподавания были положены обычные программы начальной школы. Обучали чтению, письму, грамматике русского языка, арифметике, вели элементарные беседы по естествознанию, географии, истории.

Один из «вольных учителей» — А. А. Розинский — рассказывал: «Бурятские дети занимались с охотой, напористо, с интересом, к учителю относились с большим уважением. Были замечательные ребята. Один, например, был прекрасным математиком. Он

настолько быстро решал задачи, что я удивлялся. Другой очень любил русский язык, много читал, увлекательно рассказывал о прочитанном. Население относилось к учителю хорошо. Родители интересовались преподаванием, часто приходили слушать уроки»³³.

По вечерам у «вольных учителей» собирались крестьяне, завязывались беседы на разные темы, далеко выходявшие за пределы обычных интересов улусов. Это были зачатки политической пропаганды среди бурятских крестьян.

«Вольные школы» существовали нелегально. Царская администрация запрещала и преследовала их, но народ всячески оберегал эти очаги просвещения.

Русская интеллигенция выдвинула просветителей бурят-монгольского народа, защитников его интересов, исследователей народной жизни. Много внимания уделял просвещению бурят сибирский поэт Д. П. Давыдов, бывший в 50—60-х годах XIX в. смотрителем училищ Верхнеудинского округа. Он открывал новые школы в бурятских ведомствах, привлекал молодёжь из отдалённых улусов в уездное училище, изучал язык и быт местного населения, помогал учителям, поощрял их просветительную и краеведческую деятельность. В 60-х годах в Иркутске функционировал комитет по переводу учебных книг на бурятский язык. В составе этого комитета были писатели М. В. Загоский, активный деятель Сибирского отдела Географического общества А. Ф. Усольцев, преподаватель монгольского и бурятского языков Л. Л. Шергин, директор гимназии К. П. Бобановский, преподаватель словесности Н. П. Попов, бурятский учитель Н. С. Болдонов, переводчик Л. Б. Бадмаев и др. Среди иркутской интеллигенции оживлённо обсуждались вопросы о распространении просвещения среди бурят, об открытии школ в улусах, переводе книг на бурятский язык, издании учебной литературы на родном языке для бурятских училищ.

В 1908 г. в Иркутске возникло «Общество вспомоществования учащимся бурятам», в состав которого входили представители бурятской и русской интеллигенции. Главная задача общества заключалась в оказании материальной помощи бурятской молодёжи, учащейся в средних учебных заведениях. Общество организовало несколько этнографических вечеров. На этих вечерах читались доклады по вопросам истории, этнографии, общественной жизни бурятского населения, инсценировались старинные обряды, ставились пьесы на бурятском языке, устраивались концерты национальной песни и пляски. Одним из руководителей общества был сибирский краевед П. П. Першан (Д. Даурский) — автор многих статей о бурятах в местной периодической печати.

Русские народные учителя сближались с бурятским населением, овладевали его языком, несли просвещение в далёкие улусы. Бурятские крестьяне ценили и глубоко уважали таких учителей, оказывали им посиль-

³¹ «Восточное обозрение» № 67 за 1899 год.

³² См. сборник «Декабристы в Бурятии».

³³ Воспоминания А. А. Розинского записаны автором настоящей статьи.

ную помощь. Те, кто учился у этих учителей, на всю жизнь сохраняли добрую память о них. «Те слова, которые сообщил учитель, я сохранил в моём сердце и буду следовать им в жизни»³⁴, — писал в 1902 г. крестьянин-бурят Андрей Банеев о русском учителе В. А. Петрове. Под влиянием своего учителя Банеев стал «составлять записи о бурятских верованиях, обычаях, записывать песни, сказки и пр.»³⁵.

Учителя наряду с работой в школе оказывали бурятам медицинскую помощь, давали юридические советы, составляли жалобы и прошения, писали письма и т. д. В отчёте Торского бурятского училища за 1893 г. сообщалось по этому поводу: «Отношение общества к своей школе хорошее. Это видно из того, что родители учащихся часто обращаются за медицинской помощью и за советами в своих делах к учителям»³⁶.

Среди крестьян Нижне-Кижингинского улуса, Верхнеудинского уезда, пользовался большим авторитетом учитель Н. М. Краснов. Он «оказался прекрасным работником для бурятской школы при обучении бурят первоначальной грамоте и, главным образом, разговорному русскому языку, им были достигнуты прекрасные результаты. Краснов был знаком несколько с бурятским языком. Метод, принятый Красновым, отличается от приёмов, которых держатся другие учителя бурятских училищ. Краснов каждую прочитанную по-русски фразу, а потом целую статью переводит на бурятский язык. Когда он таким образом убеждается, что все выражения статьи понятны, он заставляет передавать прочитанное по-русски. Было сразу заметно, что ученики не вспоминали слова статьи, а старались передать её смысл. Краснов пользуется у бурятского населения большой любовью»³⁷.

Овладевая бурятским языком учителя использовали его для приобщения своих питомцев к русской культуре. Вместе с тем они с уважением относились к национальной культуре бурят, их языку, народному творчеству, нравам и обычаям. «Знакомый с нравами бурята, я чтил его привычки свято»³⁸, — писал Д. П. Давыдов. Приобщение к русской культуре обогащало и повышало национальную культуру бурят-монгольского народа. К сожалению, история русского учительства, этих тружеников культуры, ещё не освещена в нашей литературе.

В русской школе воспитывались учителя-буряты. Среди бурятской молодёжи наблюдалась тяга к получению педагогического образования, чтобы вступить на трудный, но благородный путь народного учителя. Об этом свидетельствуют, например, автобио-

графии и характеристики представителей бурят-монгольской молодёжи, окончивших курс Иркутской учительской семинарии в 1903—1905 годах. По отзывам, воспитанник Иркутской учительской семинарии Илья Дамбаев «отличается полным бескорыстием и потому от него можно ожидать плодотворной работы на учительском поприще, так как на последнее он идёт не из-за чего-нибудь, а только из желания работать на пользу деревни и улуса»³⁹. Иннокентий Салтыков, «обучаясь в семинарии, окончательно определил своё призвание и выходит с желанием быть учителем в глуши, в каком-нибудь бурятском улусе»⁴⁰.

Учителя-буряты также стали проводниками русской культуры среди своего народа.

Русская интеллигенция внесла крупный вклад в изучение экономики, истории, этнографии, языка, устного народного творчества бурят-монголов. По этим вопросам известны труды А. Шапова, Г. Потанина, А. Потаниной, Д. Клеменца, Н. Кириллова, П. Кулакова, Д. Поздняева, А. Руднева и др. Русская прогрессивная печать не раз выступала в защиту бурят-монгольского народа от притеснений со стороны агентов царской власти, купцов-ростовщиков и бурятских ноёнов.

Русские учителя и учёные воспитали талантливых деятелей науки и просвещения бурят-монгольского народа: Д. Банзарова, Г. Гомбоева, Р. Номтуева, Ц. Онгодова, М. и Н. Болдоновых, М. Хангалова, М. Богданова, Г. Цыбикова и др.

В свою очередь эти выдающиеся деятели бурятского народа внесли свой вклад в развитие нашей науки.

Д. Банзаров (1828—1855) — талантливый ориенталист, автор книги «Чёрная вера, или шаманство у монголов» и нескольких оригинальных статей по истории, этнографии, языку народов Центральной Азии — выступил как представитель передовой науки, ломавшей старые предрассудки, прокладывавший новые пути для прогрессивных научных взглядов. Он интересовался также вопросами общественной жизни, выступая как демократ-просветитель. Есть сведения, что Банзаров сочувствовал социалистическим идеям (в духе утопического социализма). Наставниками и друзьями Д. Банзарова были видные ориенталисты того времени: Савельев, Григорьев, Бобровников. Банзаров был связан с кружком петербургских востоковедов, работал в музеях Академии наук и в Сибирском отделе Географического общества.

Современник Д. Банзарова Г. Гомбоев (1822—1863) известен как первый переводчик на русский язык старинной монгольской летописи «Алтан Тобчи» и других произведений монгольской литературы — повестей, сказок. Гомбоеву принадлежат также работы «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карлини», «Объяснение Семипалатинских древностей».

М. Н. Хангалов — известный бурятский этнограф и деятель народного просвещения.

³⁹ Гос. архив Иркутской обл., ф. 193, оп. 1, д. № 107.

⁴⁰ Там же.

³⁴ Гос. архив Иркутской обл., ф. 193, оп. 1, д. № 58.

³⁵ Там же.

³⁶ «Отчёт торскобурятского училища за 1893 г.». Гос. архив Иркутской обл., ф. 193, оп. 1, д. № 42.

³⁷ Гос. архив Иркутской обл., ф. 193, оп. 1, д. № 258.

³⁸ Давыдов Д. «Ширэ гуйлгуху или волшебная скамеечка». Верхнеудинск. 1859.

Он является автором многочисленных работ, посвящённых изучению шаманства, облавных охот (Зэгэгэ-аба), скотоводческого хозяйства, материальной культуры (жилище, пища, одежда, оружие и т. д.), юридических обычаев и различных сторон быта бурят-монголов. Хангалов записал много бурятских сказок, преданий, поверий, собрал многочисленные этнографические коллекции, которые передал затем Восточносибирскому отделу Географического общества в Иркутске, в Русский музей в Петербурге и в Этнографический музей Академии наук. Многие русские и иностранные учёные не раз обращались за советами к Хангалову. Он был ближайшим другом и сотрудником таких исследователей Сибири, как Н. Н. Агапатов, Д. Д. Клементь, Г. Н. Потанин.

Г. Ц. Цыбиков (1873—1930) является известным знатоком языка и этнографии народов Монголии и Тибета. По окончании факультета Восточных языков Петербургского университета в 1899 г. Цыбиков провёл три года в экспедиции Русского географического общества в Тибете. Результаты своих исследований он изложил в капитальном труде «Буддист-паломник у святых Тибета». Этот труд охватывает все стороны местной жизни (хозяйство, политический строй, быт, религия, жизнь буддийского монастыря) и является ценным вкладом в изучение Тибета.

Г. Цыбиков составил пособие по изучению монгольского и тибетского языков, перевёл с тибетского сочинение Цзонхавы, основателя ламаизма, «Лам-рим-чен-по» («Степени пути к блаженству») — источник для изучения ламаизма. Цыбикову принадлежат также труд по экономике Забайкалья «Подати в повинности» и ряд работ по истории и этнографии бурят и монголов.

М. Н. Богданов — автор ряда очерков и статей по истории и экономике бурят-монголов.

Р. Номтуев, Ц. Онгодов, М. и Н. Болдожовы — энергичные деятели в области народного образования. Они составляли учебные руководства для бурятских школ, переводили книги с русского языка на бурятский, занимались педагогической и краеведческой работой.

Начиная с XVIII в. во всех областях жизни бурят-монголов сказывалось живительное влияние русской культуры. Это влияние стало важнейшим фактором хозяйственного, культурного и социального развития бурят-монгольского народа.

С давних пор складывались дружеские отношения между русским и бурят-монгольскими народами на почве хозяйства, быта, просвещения, совместной борьбы против зарубежных врагов. Вместе с русским народом бурят-монгольский народ боролся против самодержавия.

Ещё в конце XVII в. бурятские «ясачные мужики» принимали участие в восстаниях русских крестьян, посадских и казаков против «лихих» воевод и приказчиков. Во время восстания 1696 г. в Братском остроге собрался «мировой совет». Народ устранил от

управления уездом «мучителя мирского и душегубца» приказчика Кафтырева и избрал свою администрацию. В состав выборных людей вошли представители от основных групп населения: девять казаков, три посадских, четыре пашенных и девять ясачных крестьян (бурят)⁴¹. От бурятского населения в «мировой совет» входили Обонтуй Грошев, Халгай Инкиев, Мляул Камнаев, Ханзин Мумуево, Умядей Уныгенов, Залбун Ириндиев, Колочей Тобоев, Дочикай Мумуево, Мусыней Кынтуев, Бодоной Наконов. В результате Братский уезд управлялся, хотя и непродолжительное время, «своей братией», т. е. выборными людьми, облечёнными доверием русского и бурятского населения... Бурятские «ясачные мужики» принимали также участие в Илимском восстании и выступлении забайкальских казаков против иркутского воеводы Савёлова в 1696 году.

В XVII—XVIII вв. бурятские конники вместе с русскими казаками бились, «не щадя голов своих», против зарубежных (ойротских, монгольских, китайских) ханов, защищая «породные земли» от иноземных набегов, охраняя границы российского государства на востоке. В 1727 г. посол Савва Рагузинский писал, что буряты «служат верою России, не уступая природным россиянам»⁴².

В конце XIX и начале XX в., под влиянием революционного движения в России, бурятский народ постепенно стал втягиваться и в борьбу против царизма.

Трудовое бурятское население принимало участие в первой русской революции. В 1905—1906 гг. при Читинском комитете РСДРП работала группа бурятской учащейся молодёжи, переводившая прокламации и революционную литературу на бурятский язык. Бурятская молодёжь участвовала также в работе иркутской партийной организации и верхнеудинской группы РСДРП. Упомянутые организации положили начало большевистской пропаганде среди трудового бурятского населения. Во время первой русской революции бурят-монгольский народ выдвинул активных революционных деятелей-большевиков: Ц. Ц. Ранжурова (участник читинского вооружённого восстания, член местного совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов), А. Голенковского, Данчинова (работники иркутской организации РСДРП). Погибли на революционном посту тт. Апрельков и Гомбоев.

Бурятские крестьяне участвовали в стачке подводчиков на Верхоленском тракте. Крестьяне деревень и улусов, расположенных по тракту, избрали, по примеру рабочих, стачечный комитет и отказались отбывать подводную гоньбу: возить чиновников, по-

⁴¹ Кудрявцев Ф. «Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в.», стр. 74. Иркутск, 1939.

⁴² Бантыш-Каменский Н. «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г.», стр. 145. Казань, 1882.

лицию, казённые грузы и т. д. В Агинском бурятском ведомстве крестьяне вынесли приговор, в котором требовали вернуть их земли, изъятые в пользу «Кабинета его величества», и приступили к использованию этих земельных угодий. В других ведомствах крестьяне отказывались подчиняться крестьянским начальникам, полиции, противодействовали изъятию их земель, протестовали против административной «реформы» 1901 г., которая приводила к усилению административно-полицейской опеки над бурятским населением. В Хоринском ведомстве буряты закрыли волостное управление и открыли «явочным порядком» Степную думу. В Иркутской губернии и Забайкальской области происходили многолюдные

съезды представителей бурят-монгольского населения⁴³.

Революция 1905 г. способствовала укреплению революционного союза русских и бурятских рабочих и крестьян на почве совместной борьбы против самодержавия. Революционные традиции первой русской революции проявились с новой силой в 1917—1920 годах. Эти истоки дружбы народов постепенно крепли. Однако лишь при советской власти, на основе ленинско-сталинской национальной политики, установилась нерушимая дружба между бурятским и русским народами.

---

⁴³ Хаптаев П. «Национальное движение в Бурятии». Улан-Удэ. 1939.